

Евгений Каминский

Когда больше зверь не томится

* * *

У моря, в лазури безбрежной,
прозрачной, как ложь дурака,
ты вновь в невесомости прежней,
и смерть от тебя далека.

И чуткого мальчика вроде,
ты рад каждый вечер тонуть
в не тронутой смертью природе,
приняв полстакана на грудь.

Ты снова пустой и не стойкий:
опять тебе жизнь дорога...
ну, разве что ради попойки
да пары кусков пирога.

И верить: ширь звёздная эта,
чья щедрость душе велика,
всем смертным простым — до рассвета,
и только тебе — на века.

* * *

Выползли всюду на солнце старухи, бомжи...
Значит, и в *этих* не сели еще батарейки!
Вот оно, счастье. А что еще надо, скажи,
если теплынь, и не гонит никто со скамейки?

Можно сидеть, словно умер, открыв закрома...
(что в нашей жизни светлей, чем такие моменты?!)
Может, и хватит свирепым патрульным ума
в душу не лезть и не рвать из руки документы.

С дуру не дергать тут всех нас связавшую нить,
каждому чашей своей позволяя упиться...
Кто ты такой, чтобы с птицей простор не делить,
жизнь свою ставя превыше как злобный тупица?!

Солнце расплавит старушечью плоть, как свечу,
вшивую душу бомжачью прожарит, как тельник.
Сяду меж ними — и по небу тоже лечу,
счастью окрест не свидетель уже, а подельник.

Все наши души прочитаны небом давно.
Пусть тайной бездны в них нет, даже в тех, что с изъязном,
но ведь гуляет в них кислое жизни вино.
Как же тогда нам не быть тут от радости пьяным?!

* * *

Нас нещадно хлестали
за унынье ремнём,
чтоб стальными мы стали.
А иначе умрём

без похлёбки и хлеба,
без положенных благ...
И хватало нам неба
лишь, чтоб жить кое-как.

Понимая, не стоит
здесь, ломая рога
о, по сути, пустое,
умирать за блага,

Словно звери какие,
шли, глазами горя,
мы туда, где стихия
рвёт и рвёт якоря.

Где предел и граница.
Зная то наперёд:

жизнь для жизни годится,
если морем ревьёт,

и к земле прибывает,
и ломает, и мнёт,
и, боюсь, не бывает
никому здесь как мёд...

Лишь в войне этой вечной
с ней, в звериной борьбе,
открывается нечто,
что так важно тебе.

С чем в себе лишь и можно,
в кровь сбивая стопы,
выйти против безбожной
безнадёжной толпы.

Той, что хлеб с чечевицей
даст за душу твою,
чтоб всего лишь частицей
стал ты в общем строю.

* * *

Все больше в написанном вздора,
и слово уже — не гранит.
Зачем тебе море простора,
когда оно — всё, не штормит?

Когда больше зверь не томится
в тебе и внутри не таит
такие слова, что страница —
явись они — тут же сгорит?

Когда не выходит — невольно,
слезами над вымыслом всласть...
Когда больше к слову не больно,
открыв себе вены, припасть?